

«МЕНЯ, ЗАЙКУ, НЕ ИЩИТЕ, Я НЕ ВАШ, Я УШЕЛ...»: ЗАЙЧИК В РУССКОМ ДЕТСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

ИРИНА НИКОЛАЕВНА РАЙКОВА

(Московский городской педагогический университет: Российская Федерация, 129226,
г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4)

Аннотация. Среди многочисленных зооморфных, орнитоморфных, ихтиоморфных и других образов русского детского фольклора образ зайчика — один из наиболее частотных, но и многоликих. Зайчик неожиданно «превращается» в молодца и ухаживает за девицей, но чаще бегаёт, прыгает, укачивает младенца, прячется и исчезает. В статье на материале поэзии пестования и собственно детского фольклора рассматриваются различные жанровые (от колыбельной песни и прибаутки до игры) и кроссжанровые реализации и варианты образа зайчика. В центре внимания — его происхождение, функции, поэтические особенности, связь с близкими образами фольклора, традиционной и профессиональной культуры взрослых. Прослеживается динамика образа вплоть до его современных модификаций — заек виртуального пространства. В русском детском фольклоре образ зайчика пластичен, в чём-то амбивалентен и в целом «неуловим». Он вобрал в себя из различных источников, в первую очередь взрослой традиционной культуры и народных мифологических поверий, многообразную семантику и символику, трансформировав её в соответствии с детской логикой и психологией. От жанра к жанру, от варианта к варианту текста с зайцем происходят причудливые метаморфозы: он то молодец-жених, то котик, то чижик-пыжик, то родственник черта, то горностаёй, то месяц, то... его просто нет, он ушёл. Образ зайца наглядно отражает общие закономерности взаимодействия детской и взрослой фольклорной традиции.

Ключевые слова: зооморфный образ, заяц, детский фольклор, жанр.

Зайка, зайчик, зайнышка серенький, зайнышка косой, заяц белый, заяц-месяц, зайочка-горностаёшка, зайчик бешеный... Среди многочисленных зооморфных (котёнышка-коток, собачка, коза рогатая, конь, баран, медведь, волк), орнитоморфных (птичка, гули, грачи, гуси, утки, тетери, сорока-белобока, ворона, петяпетушок, цапля, сова, лунь)¹, ихтиоморфных (рыбка, карась, щука) и других образов русского детского фольклора образ зайчика — один из наиболее частотных, но и многоликих.

Необходимо уточнить, что мы привлекаем для анализа образ зайчика/зайки как зверя, не останавливая внимания на зайке как ласковом обращении к ребенку или к любимому человеку. Впрочем, в традиционном детском фольклоре подобных случаев и нет — их можно скорее найти в фольклоре современном, интернет-фольклоре (например, любовных девичьих рассказах), массовом творчестве. Интересно, что «зайка» в этом значении стало существительным общего рода (встречаются *мой зайка* и не реже *моя*

¹ Подробнее см.: [Райкова 2015].

зайка)², тогда как все словари русского языка определяют «зайку» как слово мужского рода, уменьшительно-ласкательное от «заяц».

Животные в детском фольклоре (как и в сказках, о чем в свое время писала В. А. Бахтина [Бахтина 1972]) ведут себя лишь в некоторой степени согласно своей животной природе, точнее будет признать их некими условными фантастическими персонажами с внешним обликом животных, но и чертами людей. Поэтому мы предпочитаем называть их зооморфными, а не анималистическими. В детском фольклоре звери, птицы, насекомые работают, наряжаются, готовят праздничные блюда, веселятся, играют свадьбы (отнюдь не только внутри одного биологического вида): *таракан дрова рубил, утка в юбке, коза в синем сарафане, селезень в сапогах на высоких каблуках, совушка-сова надевает гороховы серьги, журавль на мельницу ездил, котика угощают куском пирога, сорока топит баню, варит кашу, свинья варит пиво и женит борова, пиво варит и синичка* и т. д. И это, заметим, в тех фольклорных жанрах, где миропорядок изображается правильным, «образцовым», в небылицах-перевертышах же и того пуще — всё перевернуто вверх тормашками:

А в ели свинья гнездо свила,
Да гнездо свила да деток вывела³.
Малы деточки да поросяточки
По сучкам висят да полететь хотят,
Полететь хотят да по поднебесью!
По поднебесью, братцы, медведь летит,
А медведь летит, а сам хвостом вертит...
[Лойтер 2013, 300]

Чем же занимается в детском фольклоре зайчик?

Бегают или бежит.

Часто встречающееся, наиболее универсальное действие, носит кроссжанровый характер (колыбельная песня — потешка — прибаутка — детская песенка — считалка). Сочетается с диалогической формой и кумулятивной структурой текста: зайца выспрашивают, что он делал или — сразу — куда бегал (что он именно бегал,

предполагается изначально). Причем выясняется, что он обычно не убегает от кого-то (волка/лисы/охотников), а бежит именно *куда-то* — по разным своим заячьим делам: лыжи драть, травку рвать, грибы рвать:

— Заяц серый (по вариантам *белый*. — И. Р.),
Куда бегал?
— В лес дубовый.
— Что там делал?
— Листья рвал.
— Куда клал?
— Под колоду.
— Кто украл?
— Украл серенький волчок.

Спи, мой миленький сынок [Там же, 139].
(Считалочный вариант концовки: «— Кто украл? / — Родион. / — Поди вон!»)

Заяц бегаёт и в поисках работы:

Бегал заяц по болоту,
Он искал себе работу,
А работы не нашел,
Сам заплакал и пошел [Мартынова 1997, 360].

Заяц бежит, так как спешит на свадьбу, и до такой степени спешит, что ему некогда отвечать на дальнейшие расспросы:

Ты куда, зайнышка, бежишь,
Куда, серенький, спешишь?
— Мне теперича не до вас:
У нас свадьба завелась.
Паренек-от женится,
Замуж идет девица... [Новицкая, Райкова 2002, 137].

Или просто бегаёт. В поэтических текстах изображается бег как образ жизни. Очевидно, что это не может не импонировать маленькому ребенку, для которого бег — тоже естественное и желанное состояние. Недаром Е. А. Покровский, педиатр, один из первых и выдающихся собирателей и исследователей народных детских игр, раскрывший общественной огромности педагогический потенциал подвижных игр, играм с «беганьем» отдал подавляющую часть раздела «Игры с движением» своего сборника [Покровский 1994, 94–117].

² В известной эстрадной песне есть даже контекстная родовая пара: «зайка моя, я твой зайчик...».

³ Каждый стих повторяется дважды.

Дети в фольклоре изображаются бегущими вместе с зайкой, «у зайки»:

Баю-баю-байки,
Где были? — У зайки.
— Что вы, что вы делали?
— Мы на поле бегали (здесь и далее в цитатах курсив мой. — И. Р.),
Там морковку рвали,
Братца потеряли,
А когда домой пришли,
Братца дома мы нашли [Там же, 68].

Бег зайца универсален и с точки зрения ландшафта: он бегает *по лесу, по зеленому саду, огороду, полю* и даже *по болоту*. Это практически бег, не знающий препятствий.

Как производное от бега — зайчики в тексте колыбельной песни в большом количестве «набегают» вместе с «налетающими» гуленьками [Там же].

Своеобразный вариант «зайки белого» — «зайка бешеный» — в игре, где играющие и сами должны бегать. Не стоит, впрочем, забывать, что слово «бешеный» (от «беситься») может быть в детском фольклоре отголоском распространенных у многих славянских народов представлений о связи зайца с нечистой силой: черт, покойник, заговоренный клад, реже домовый оборачиваются зайцем, косою взгляд зайца может быть причиной слеза. У сербов беременной женщине нельзя было видеть глаз мертвого зайца и есть зайчатину, иначе ребенок родится косматым либо косоглазым [Гура 1978, 178].

Ср. в дразнилке:

Косою заяц
Нанес яиц,
Вывел детей —
Косых *чертей* [Мартынова 1997, 196].
(Варианты: «вывел косых зайченят/чертенят»).

Прыгает, скачет.

Маленький,
Беленький,
По лесочку
Прыг! Прыг!
По снежочку
Тык! Тык! [Там же, 422].

Так — по размеру, цвету меха и обыкновению передвигаться прыжками — определяет зайчика загадка.

Именно это действие зайца в первую очередь восприняла из детского фольклора авторская поэзия, причем как высокая, так и массовая.

У Блока в стихотворении «Зайчик» (1906): «Бедный зайчик *прыгает* / Возле мокрых сосен...».

В самодеятельных стихах из сети Интернет:

Прыг да скок, прыг да скок,
Скачет зайка — серый бок.
По лесочку прыг, прыг, прыг,
По снежочку — тык, тык, тык.
Под кусточек присел,
Схорониться захотел⁴.

В этом тексте — прямое влияние процитированной выше загадки. Или вот такая авторская загадка: «Комочек пуха, / Длинное ухо, *Прыгает* ловко, Любит морковку»⁵.

В некоторых текстах детского фольклора действия «бежит» и «прыгает» вариативны по отношению друг к другу:

Прыгал заяц по болотам,
Он искал себе работу.
Он работы не нашел,
Сам заплакал и ушел [Лойтер 2013, 297].

Уходит, исчезает, прячется.

Сидит белый зайка,
Ушки жмет, ушки жмет,
Охотнички скачут
Вмиголет, вмиголет.
«Вы, охотнички, скачите,
Меня, зайку, не ищите,
Я не ваш,
Я ушел» [Новицкая, Райкова 2002, 131].

Удивительно с нашим уже современным литературным опытом, но материал показывает, что текстов, в которых зайчик боится, трусит, прячется конкретно от кого-либо, дрожит, в детском фольклоре практически нет, вопреки распространенному стереотипу, особенно актуальному в современности. Под кустом он скорее живет, а не прячется.

⁴ URL: <http://detskieigry.ru/schitalki/pryg-da-skok-skachet-zaika-seryi-bok>

⁵ URL: <http://zagadochki.ru/zagadka-komochek-puha-dlinnoe-uho.html>

Зайчик предпочитает предотвратить опасную ситуацию и заранее уйти, исчезнуть, чтобы потом не дрожать и не прятаться. Недаром именно зайчик фигурирует в таком специфическом жанре, как отговорка на дразнилку, которую дети считают продуктивным магическим средством избавления от причиненного дразнилкой морального ущерба, — обида возвращается к обидчику своеобразным бумерангом:

Вышел зайчик из ворот —
Стало всё наоборот [Там же, 344].

Ребенок, адресат дразнилки, с помощью традиционной отговорки уходит от конфликтной ситуации, выходит из нее, сохранив чувство собственного достоинства, как зайчик, «вышедший из ворот».

Исчезновение и внезапное появление зайца ребенок осмысляет и в игровом ключе — как игроков в игре в прятки.

Превращается в молодца, ухаживает за девушкой.

Детская традиция унаследовала от взрослой (хороводных и игровых песен, обрядовой поэзии) брачные, мужские, эротические коннотации в образе зайца, по происхождению, вероятно, связанные с чрезвычайной плодовитостью этого животного. «Обрядовый эротизм песен и игр в зайца давно забыт, они превратились в чисто развлекательные, игровые, частью перешли в детский фольклор», — замечает А. В. Гура [Гура 1978, 172]. Как нами уже было отмечено, заяц устойчиво фигурирует в сюжетах детского фольклора, где речь идет о свадьбе — людей либо зверей.

По вариантам уже цитированной выше считалки заяц неожиданно превращается в паренка:

Заяц белый
Лесом бегал.
То под кустик,
Под пенек.
Очутился паренек [Новицкая, Райкова 2002, 244].

В игре «Зайка серенький», которая заимствовала текст из взрослой хороводно-игровой песни, Зайка плетет венок,

кладет на головку, затем сбрасывает, пляшет и, наконец:

Вот как, вот как, потанцуй,
Кого любишь, кого любишь — поцелуй
[Там же, 291].

Заяц успевает заигрывать даже не с одной, а с тремя девицами. В одной кумулятивной потешке пошагово описано его взаимодействие с Машенькой, Сашенькой и Катюшей, которые его кормят, укладывают спать:

— Машенька — на лавочку,
Сашенька — под лавочку,
А Катюша удала
Мне подушечку дала.
Далее на вопрос, обижали ли его девицы, заяка игриво отвечает:
— Машенька не била,
Сашенька не била,
А Катюша удала
И⁶ за ушки подрала [Лойтер 2013, 140].

На этом примере видно, как свободное и легко детский фольклор принимает в свое лоно и перерабатывает любые источники, фольклорные и профессиональные — в данном случае «в дело пошла» шуточная лирическая песня «Маруся-Марусенька».

В дразнилках эротическая символика может выражаться более грубо:

Косой заяц!
Нанес яиц,
Дал всем по яичку,
А себе оставил загычку;
Косой заяц,
Кос, кос —
Три яичка снес,
Пощупали косого —
Он опять с яйцом [Мартынова 1997, 195].

Рифма «зайца — яйца» — вообще одна из излюбленных в фольклоре, на ней построены озорные частушки:

Девки по лесу гуляли
И поймали зайца,
Целый день они искали,
Где у зайца яйца⁷.

⁶ Особенно пикантно звучит это «и» — указание на некую недоговоренность.

⁷ URL: <http://chastushkiru.narod.ru/index005.htm>

Подобные тексты выглядят карикатурной параллелью к западноевропейскому поверью о том, что пасхальный заяц/кролик приносит яйца, и детскому обычаю искать их в траве пасхальным утром.

Пьет колодезную воду.

Вода действует на зайчика как алкоголь:

— Зайчик, зайчик, где ты был?
 — У колодца воду пил.
 Выпил рюмку, выпил две,
 Зашумело в голове,
 Покатился по траве [Мартынова 1997, 382].

В этом тексте — в результате контаминации — еще одна метаморфоза зайки: ему, видимо, не дает покоя слава Чижика-пыжика. Впрочем, В.С. Бахтин считает, что зайчик здесь первичен, это именно крестьянская старинная песенка, а позже, в студенческой песне XIX в., его место занял всем известный Чижик-пыжик [Бахтин 2006, 101]. Правда, за недостатком материала остается непонятным: если этот текст первичен, то зачем пить колодезную воду рюмками, а если это уже трансформация, то недостает предыдущего звена.

Зайчик может заступать место и персонажей поэзии пестования. Например, вместо котеньки-кота он приглашен **укачивать младенца**, что для зайки как лесного зверька вовсе нехарактерно. Ведь появление зайца в деревне, около жилья по народной примете предвещает несчастье, обычно смерть или пожар.

Заенька беленький,
 Заенька серенький,
 Пойди, зайка, ночевать,
 Мою Сашеньку качать [Мартынова 1997, 138].

И даже — правда, довольно редко — зайка замещает злобного Бабая (очевидно, влияние фонетического созвучия) или серенького волчка, которыми устрашают детей:

Ай, ай, ай, ай,
 Приходи к нам, зай,
 Василечка забирай,
 Непослушненького,
 Балавусенького [Там же, 196].

Заюшка-горностаюшка.

Что это за фантастический «гибрид» двух животных?

Для поэтики фольклора, впрочем, в этом мало удивительного. В фольклоре есть *гуси-лебеди*, *калина-малина*, *цветочек аленькой*, *беленькой*, *голубенькой* и другие «странные сближенья» и нелогичные (с точки зрения обычной логики) двойные номинации. Детский фольклор особенно богат такими парадоксальными сближениями: *сорока-ворона*, *пальчик-мальчик*, *катилась мандаринка по городу Иринка*... Дразнилки же как жанр практически основаны на них: *Анна-ванна*, *нога деревянна*; *Толик-кролик*, *Проклоп-укроп*, *Шурец-ошурец* и т.п.

Вернемся к зайке.

Уж как зай-горностаи
 По базарику скакал,
 Все он ножки примял,
 Некуда зайныке выпрыгнуть,
 Еще есть ворота
 Позади города,
 Как у этих ворот
 Три сестрицы стоят,
 Три горющицы... [Там же, 139].

Бежит, бежит зайныка,
 Бежит горностаенька.
 — Погоди, зайныка,
 Погоди, горностаенька!
 — А мне некогда годить:
 У волков-то свадьба —
 Отдает лисичку,
 Муха — стряпуха... [Там же, 382].

(В другом варианте данного сюжета женится медведь.)

Есть ли сходство между зайцем и горностаем в природе? Оба небольшие дикие (лесные) пушные звери, оба — объекты охоты, но не более того.

В жанрах «взрослого» фольклора *заюшки* и *горностаюшки* соседствуют: так, в охотничьих заговорах их заманивают «в нитки шелковые», в похоронных причитаниях душеньку просят «показаться-прийти» *заюшкой* <или> *горностаюшкой*. Образы этих животных могут чередоваться в вариантах свадебных обрядовых песен: горностаи, как и заяц, обладает брачно-эротической мужской символикой.

Но в детском фольклоре они не соседствуют и не чередуются, а сливаются в один образ. Можно предположить, что традиция пытается возвысить, приукрасить зайца, «величая» его длинным

и звучным названием более редкого зверя, обладателя более ценного меха.

Думается, впрочем, что фонетическое созвучие слов (*зай-горностай, зайнька-горностаенька, зайюшка-горностаюшка*), поддерживающее ритм и создающее дополнительную внутреннюю рифму, в первую очередь «виновато» в их соединении. Именно слов, а не образов: зайка не перенимает никаких признаков горностаия, это лишь одна из его номинаций, как *зайчик-побегайчик*.

«Чрезвычайно распространенным для всех фольклорных жанров оказывается феномен контактной рифмы. Это рифма типа: *Бог не убог, старуха-говоруха, зай-горностай, натура дура, кумко-голубко, слизень-близень, радость на старость, палица-буявица, пир на весь мир, скатертка-самовертка*, т.е. когда зарифмовываются слова, непосредственно стоящие рядом друг с другом. Иногда весь текст малого жанра может состоять из такой контактной рифмы: *Натура дура, Тош как хвоц, Маленький, / Горбатенький / Утят / Таскат*», — рассуждает о подобных рифмах в фольклоре А. А. Петрова [Петрова 2006].

Самая таинственная метаморфоза, происходящая с зайчиком, — *заяц-месяц*.

« — Заяц, / Месяц, / Где был? / — В лесе...» [Новицкая, Райкова 2002, 244]; известны также украинские варианты считалки.

А. В. Гура пишет, что эта номинация встречается только в детском фольклоре и опровергает гипотезу Н. Ф. Сумцова о влиянии на нее «лунарной» природы зайца, известной по мифам разных народов, в частности китайским [Сумцов 1891]. Между тем современный ученый отмечает, что сколько-нибудь доказательной другой не существует — очевидно только параллель между символикой мужского начала и у зайца, и у месяца: «Общей для Зайца и месяца (особенно молодого) является их мужская и брачно-эротическая символика. Ср. пример сочетания обоих символов на полесском свадебном каравае: верх его украшен фигурками Зайца, месяца и шишек из теста» [Гура 2012, 249].

Месяцу уподобляются в народной поэзии не только заяц, но и мѳлодец, жених, хозяин дома в календарных и свадебных величальных песнях.

Как у месяца звезды частые (Вариант: золоты рога),

У красна солнца очи ясные,

У доронного-добра молодца

У Ивана-то кудри русые

По плечам лежат, по заплечию (Зап.

в Тверской губ. в 1920 г. экспедицией

Ю. М. Соколова) ⁷.

Этот материал подтверждает версию А. В. Гуры. Однако, на наш взгляд, для ребенка значимо еще внешнее сходство: *заяц белый — и месяц белый*:

Раз, два, три, четыре,

Пять, шесть, семь,

Восемь, девять, десять.

Выплывает *белый месяц!* [Новицкая,

Райкова 2002, 232]

(Варианты: *ясный / красный /*

круглый месяц.)

Возможно, заяц *с ушками* — месяц *с рожками*.

И самая, на наш взгляд, актуальная для детской традиции общая черта — сходство «поведения»: месяцу присуща та же способность, что и зайчику, — внезапно появляться и исчезать.

Кроме того, снова играет немаловажную роль фонетическое созвучие. Интересно, что лингвистическая параллель *заяц — месяц* дается в школьном этимологическом словаре: «заяц — общеслав. суф. производное (суф. *киць* > *яц*, ср. *месяц*) от *зай* (ср. *зайка*), того же корня, что и лит. *ħaisti* “прыгать”, готск. *gaits* “коза”. Исходно — “прыгун”»⁸. Впрочем, в белорусской народной игре фигурирует заяц-месяц (и сама игра так называется) без рифмовки слов: *зайка-маладзик*⁹.

Итак, в русском детском фольклоре образ зайчика пластичен, в чем-то амбивалентен и в целом «неуловим». Он вобрал в себя из различных источников, в первую очередь взрослой традиционной культуры и народных мифологических поверий,

⁷ URL: <http://tverfolk.tverzha.ru/205> (Фольклор Тверского региона. Электр. б-ка)

⁸ URL: <http://etymological.academic.ru/1406>

⁹ URL: <http://veseloedetstvo.com/beloruskie-narodny-e-igrы/>

многообразную семантику и символику, трансформировав ее в соответствии с детской логикой и психологией. От жанра к жанру, от варианта к варианту одно и того же сюжета с зайцем происходят метаморфозы: он то молодец-жених, то

котик, то Чижик-пыжик, то родственник самого черта, то горностаи, то месяц, то... его просто нет, он ушел. Образ зайца наглядно отражает общие закономерности взаимодействия детской и взрослой фольклорной традиции.

Литература

Бахтин 2006 — Жили-были... Разговоры с В. С. Бахтиным / Сост. О. А. Комарова. СПб., 2006.

Бахтина 1972 — Бахтина В. А. Эстетическая функция сказочной фантастики: Наблюдения над русской народной сказкой о животных. Саратов, 1972.

Гура 2012 — Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М., 2012.

Гура 1978 — Гура А. В. Символика зайца в славянском обрядовом и песенном фольклоре // Славянский и балканский фольклор. М., 1978. С. 159–189.

Лойтер 2013 — Лойтер С. М. Детский поэтический фольклор Карелии: исследование и тексты. Петрозаводск, 2013.

Мартынова 1997 — Детский поэтический фольклор: Антология / Сост. А. Н. Мартынова. СПб., 1997.

Новицкая, Райкова 2002 — Детский фольклор / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. М. Ю. Новицкой и И. Н. Райковой. М., 2002. (Серия «Библиотека русского фольклора». Т. 13).

Петрова 2006 — Петрова А. А. Фольклорная рифма как прием: синтактика, семантика, прагматика. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/petrova1.htm> (дата обращения: 19.10.2015).

Покровский 1994 — Покровский Е. И. Детские игры, преимущественно русские. СПб., 1994.

Райкова 2015 — Райкова И. Н. Природа в мире детства и художественном мире детского фольклора // Природные стихии в русской словесности / Отв. ред. А. И. Смирнова. М., 2015. С. 44–53.

Сумцов 1891 — Сумцов Н. Ф. Заяц в народной словесности М., 1891. (Из X книги «Этнографического обозрения»).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета: Российская Федерация, 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4; тел.: +7(499) 181-58-69; научный редактор научного альманаха «Традиционная культура»; e-mail: Nikolavna@inbox.ru

“DON'T LOOK FOR ME, I'M A BUNNY, I'M NOT YOURS, I'VE GONE AWAY...”: BUNNY (HARE) IN RUSSIAN CHILDREN'S FOLKLORE

IRINA RAYKOVA

(Moscow City Pedagogical University: 4, 2nd Sel'skokhozyaystvennyy pas., Moscow, 129226, Russian Federation)

Summary. Among numerous zoomorphic, ornithomorphic, ichthyomorphic etc. images of Russian children's folklore the image of Bunny (the hare) is one of the most frequent, but also multifacet. Bunny turns into bonny lad and starts courting a girl suddenly, but more usually he is seen running, jumping, cradling a baby, hiding and disappearing. Implementations of Bunny image are considered as exemplified in texts of both nurturing poetry of adults and own children's folklore, which differ by genre (from lullaby songs, nursing rhymes, sayings to children games with counting-rhymes) or are manifested in cross-genre way. Scrutiny is focused on origin, function, poetic features of Bunny character and its interaction with familiar images of folklore, traditional and professional culture of adults. Dynamics of the hare image is traced until its modern modifications, i.e. Bunny of virtual web space.

There in Russian children's folklore the image of Bunny is plastic, ambivalent, and "elusive" in general.

Diverse semantic and symbolic features incorporated into children's folklore Bunny image are obtained from a variety of sources, primarily from adult traditional culture and folk mythological beliefs, and transformed under influence of a child's logic and psychology. From genre to genre, from variant to variant of the text bizarre metamorphoses happen to the hare: it turns into a fellow fiance, a cat, "Chizhik-Pyzhik" the bird, even devil's relative, an ermine, the moon, and... after all he's gone away. Image of Bunny reflects general patterns of interaction between children's and adult folklore tradition.

Key words: zoomorphic image, Bunny, children's folklore, genre.

References

Bakhtina V.A. (1972) Esteticheskaya funktsiya skazochnoy fantastiki: Nablyudeniya nad russkoy narodnoy skazkoy o zivotnykh [The Aesthetic Function of Fairy-Tale Fantasy: Observations on Russian Folk Tales about Animals]. Saratov. In Russian.

Gura A. (2012) Brak i svad'ba v slavyanskoj narodnoy kul'ture: Semantika i simbolika [Marriage and Wedding in Slavic Folk Culture: Semantics and Symbolism]. Moscow. In Russian.

Gura A. (1978) Simvolika zaytsa v slavyanskom obryadovom i pesennom fol'klоре [Symbolism of a Hare in the Slavic Ritual and Song Folklore]. *Slavyanskiy i balkanskiy fol'klор* [Slavic and Balkan Folklore]. Moscow. Pp. 159–189. In Russian.

Komarova O. (ed.) (2006) Zhili-byli... Razgovory s V.S. Bakhtinym ["Once upon a time..."] Conversations with V.S. Bakhtin]. St. Petersburg. In Russian.

Martynova A. (ed.) (1997) Detskiy poeticheskiy fol'klор: Antologiya [Children's Poetic Folklore: Anthology]. St. Petersburg. In Russian.

Novitskaya M., Raykova I. (eds.) (2002) Detskiy fol'klор [Children's folklore]. Moscow. In Russian.

Loyter S. (2013) Detskiy poeticheskiy fol'klор Karelii: issledovanie i teksty [Children's Poetic Folklore of Karelia: Research and Texts]. Petrozavodsk. In Russian.

Petrova A. (2006) Fol'klornaya rifma kak priem: sintaktika, semantika, pragmatika [Folk Rhyme as a Device: Syntax, Semantics, Pragmatics]. PhD Thesis (Philology). Moscow. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/petrova1.htm> (last referred: 10/19/2015). In Russian.

Pokrovskiy E. (1994) Detskie igry, preimushchestvenno russkie [Children's Games, mostly Russian]. St. Petersburg. In Russian.

Raykova I. (2015) Priroda v mire detstva i khudozhestvennom mire detskogo fol'klора [Nature in the World of Childhood and Fiction World of Children's Folklore]. Prirodnye stikhii v russkoy slovesnosti [Natural Environments in Russian Verbal Arts]. Collected Papers. Ed. by A. Smirnova. Moscow. Pp. 44–53. In Russian.

Sumtsov N. (1891) Zayats v narodnoy slovesnosti [Hare in Folk Poetry]. Moscow. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: Nikolavna@inbox.ru

Tel.: +7 (499) 181-58-69

4, 2nd Sel'skokhozyaystvennyy pas., Moscow, 129226, Russian Federation

PhD (Philology), associate professor, department of Russian Literature, Moscow City University
